

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ Н. Д. АХШАРУМОВА В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В настоящей статье рассмотрены некоторые общелингвистические параметры функционирования элитарной языковой личности в семиотическом пространстве русской литературы второй половины XIX века. Статья является частью исследовательского проекта «Неисследованные «имена» в русском литературном процессе второй половины XIX века: Н. Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик». В рамках данного проекта в статье предпринимается попытка представления Н. Д. Ахшарумова как элитарной языковой личности, потенциально и реально обладающей возможностью дискурсивного диалога, уходящего корнями в XIX век, получающего качественно новое наполнение в веке XXI.

Семиотическое пространство, языковая личность, Н. Д. Ахшарумов, литературная критика.

The article considers some philological parameters of an elitist language personality in the semiotic space of the Russian literature of the second half of the nineteenth century. The article represents the part of the research project «Unexplored «names» in the Russian literary process of the second half of the nineteenth century: N.D. Akhsharumov as a novelist and literary critic». In this project, the article attempts to represent N. D. Akhsharumov as an elitist linguistic identity, potentially and actually having the ability of discursive dialogue, originated from the nineteenth century, receiving a new content in the twenty-first century.

Semiotic space, language personality, N.D. Akhsharumov, literary criticism.

Введение.

Цель статьи состоит в освещении ряда вопросов, связанных:

- а) с актуализацией понятий «семиотического пространства» и «языковой личности»;
- б) интерпретацией биографических фактов из жизни и творчества Н.Д. Ахшарумова;
- в) обоснованием возможности рассмотрения значимости данной фигуры в социальном контексте семиотических процессов, влияющих на авторское самовыражение писателя.

Основная часть.

Понятия «семиотического пространства» и «языковой личности», обретающей бытование в нем, широко употребляемы в современной антропоцентрической парадигме филологии XXI века. Каждая из гуманитарных наук в своем функциональном проявлении по-своему трактует терминологический потенциал искомых понятий. Однако их инвариантное наполнение, заданное авторами терминов, заставляет нас в очередной раз актуализировать конститутивные признаки номинаций, столь широко используемых в современной функциональной филологии.

Обратимся к авторитетной работе Ю. М. Лотмана, в которой исследователь вводит понятие «семиосферы», объясняя тем самым и наполнение «семиотического пространства»: «Семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степени переводимости и пространством непередаваемости. Под этим пластом расположен пласт «реальности» – той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархической соотнесенности.

Оба эти пласта вместе образуют семиотику культуры» [19, с. 30]. Семиосфера, по Ю. М. Лотману, представляет собой хранилище текстов, написанных в разные эпохи на разных языках, а понятие текстового пространства опирается на понятие пространства семиотического.

Современное литературоведение активно работает в контексте семиотической парадигмы, предлагая разнообразные трактовки индивидуального становления писателя в каждый из периодов культуры и рассматривая этот процесс как знаковый. Прежде всего, речь идет об известных всему миру художниках слова, в частности, у литературоведа Н. Л. Зелянской предметом семиотического исследования выступает система прозы Ф. М. Достоевского 1840–50-х гг. XIX в. [14]. Семиотическое пространство культуры второй половины XIX века, в частности важнейшего его пласта – русской литературы, представляет собой интереснейший многоуровневый объект, наполненный вертикально-горизонтальным контекстом духовного бытования.

Репрезентативная составляющая семиосферы русской литературы актуализирует в нашем сознании прежде всего знаковое творчество великих писателей, беллетристов, поэтов, творивших в это уникальное в истории государства время: Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Гончарова и др., что вполне отвечает установившейся традиции литературоведения, основанной на объективной картине художественной реальности, рассматривать прежде всего классические тексты звезд первой величины.

В этом аспекте изучения особого внимания заслуживают и менее знаковые фигуры второй половины XIX века, не только составляющие фон для «первых лиц», но являющиеся самобытными языко-

выми личностями, претендующими на возможность характеризовать их, используя термины современной функциональной парадигмы, дискурсивными личностями, творящими определенные сектора семиосферы литературы. С точки зрения классического литературоведения, Николай Дмитриевич Ахшарумов (1820–1893), *литературный критик, писатель, современник великих имен*, – фигура «фоновая», «вторичная». Данная характеристика обосновывается следующими параметрами:

- 1) «подражательностью» (прежде всего – Ф. М. Достоевскому);
- 2) «неглубокой психологической проработкой характеров персонажей»;
- 3) «надуманным сюжетом»;
- 4) беллетристической «плодовитостью» на потребу дня;
- 5) наконец, «небольшим талантом и умеренно-либеральным складом». Такие характеристики повторяются во всех биографических словарях [6].

Однако, параллельно с подобными оценками отмечается, что Н. Д. Ахшарумова ценили такие взыскательные люди, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой. С Ф. М. Достоевским Ахшарумов был хорошо знаком: широко известный уже к тому времени Достоевский и беллетрист Ахшарумов взаимно симпатизировали друг другу.

В работе «К вопросу о литературной репутации Н. Д. Ахшарумова» исследователь А. Е. Козлов отмечает, что феноменология литературной репутации многообразна, поскольку всегда является результатом совмещения разных временных и идеологических планов, действия различных компромиссов [17, с. 30]. Литературная репутация основывается на изучении литературных произведений автора, его литературной автобиографии, творческого поведения, в современной истории и теории литературы проблема литературной репутации, статуса писателя является одной из самых актуальных [2]. Исследователь и читатель XIX века, действительно, видит мир совсем по-другому, чем исследователь и читатель века XXI, поскольку происходит кардинальная смена литературных дискурсов и переосмысление в них значимости определенных творческих фигур. Статус «второстепенного автора» объективно определяется не всегда только литературными факторами, семиотическая значимость автора в дискурсивном контексте эпох может наполняться неожиданным новым содержанием.

В нашем представлении не только фигуры первого плана, но и так называемые «фоновые фигуры», заслуживают изучения, поскольку в их творчестве также отражается эпоха, семиотика того или иного периода бытования литературы. Индивидуальное становление писателя особенно значимо в контексте семиотики эпохи. Семиотическое пространство литературы как многоаспектный объект, наполняемый знаками с различной значимостью, не может быть представлен во всей полноте без фигур «второго плана», таких, как Н. Д. Ахшарумов. Творчество каждого из авторов, независимо от широты репрезентации таланта, представляют уникальные *языковые*

личности с характерным для каждой из них идиостилем и жанровыми предпочтениями. Языковые личности, представившие на суд читателя собственные оригинальные тексты, опубликованные в серьезных изданиях, есть *элитарные языковые личности*, структурирующие жанровое семиотическое пространство литературы и наполняющие его разнообразным содержанием.

Во второй половине XIX века важную роль в формировании речевого вкуса современника играют *публицистика и художественная литература*. Наполнение художественной литературы представлено иерархическим соотношением понятий «классика» и «беллетристика». В. М. Маркович констатирует, что в русской литературе XIX века эти два типа словесного искусства принципиально отличаются друг от друга эстетическими свойствами, социально-культурными функциями и своими историческими судьбами [21]. Никто и не претендует на «переписывание» истории русской литературы второй половины XIX века, тем не менее уважение к творческим языковым личностям эпохи представляет собой важнейший этап развития современной функциональной филологии.

Лингвист Э. Л. Трикоз в диссертационном исследовании акцентирует внимание на том, что составители нормативных словарей исследуемого периода в словарных статьях нередко приводят развернутые высказывания писателей, журналистов и критиков по поводу новых слов и значений. В метаязыковой рефлексии живо и наглядно отображается взгляд образованного носителя языка того времени на речевую новацию, а субъектом данной рефлексии выступает образованный интеллигент: журналист, писатель, критик, деятель искусства и т. д. [29]. Образованный интеллигент, независимо от века, в котором проходит его интеллектуальная жизнь, является *элитарной языковой личностью*, способной создавать тексты, характеризующиеся знанием языковых и коммуникативных норм, отражающие этико-эстетическую направленность на читателя. В большей степени это касается писателей, беллетристов, литературных критиков.

Следовательно, рассматривая роль того или иного автора в семиотическом контексте литературы конкретного века, нам не обойтись без актуализации понятия *языковой личности*.

Первое терминологическое упоминание данного феномена связано как с именем немецкого ученого Й. Л. Вайсгербера [8], так и с именем отечественного лингвиста В. В. Виноградова (работа «О художественной прозе», 1930 г.) [9]. В книге «Родной язык и формирование духа» (1927) Й. Л. Вайсгербер пишет: «Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [8, с. 81]. В. В. Виноградов использует понятие языковой личности, включая его в текст работы, однако оно не претендует на статус термина: наряду с «языковой личностью» как синонимичные, без их толкования, используются номинации «поэтическая личность»,

«литературная личность», «художественно-языковое сознание» [Цит. по: 30]. Для нас важен тот факт, что именно В. В. Виноградов первым попытался раскрыть соотношение языковой личности, художественного образа и образа автора, показывая, как «язык литературного произведения является сферой скрещения, преобразования и структурного объединения композиционно-речевых форм, характеризующий общий контекст литературы в ту или иную эпоху» [9, с. 82].

Приоритет в разработке концепции языковой личности в отечественной лингвистике по праву принадлежит Ю. Н. Караулову, который под языковой личностью понимает «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [16, с. 245]. С опорой на художественный текст Ю. Н. Караулов разрабатывает уровневую модель абстрактной языковой личности. Эта базовая модель построена на основе трех языковых структурных уровней, представляющих языковую личность.

По Ю. Н. Караулову, *нулевой уровень (вербально-семантический)* характеризует степень владения обыденным языком и является основной базой для языкового общения. *Лексикон* личности понимается автором в широком смысле этого слова, поэтому включает в свой понятийный объем и фонд грамматических знаний личности.

Следующий, (первый) лингвокогнитивный уровень реализации языковой личности, представляет *тезаурус* личности, характеризует актуализацию и идентификацию знаний и представлений, отличающих социум бытования данной личности и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. На этом уровне языковая личность реализует себя как представитель той или иной культуры, обладающей собственной индивидуальной картиной мира, реально воплощающейся в идеях и концептах. Принцип организации тезауруса языковой личности более сложный, чем принцип организации лексикона. Языковая личность структурирует образ мира и актуализирует его понятийные и ассоциативные зоны в соответствии с собственной индивидуально-авторской категоризацией этого мира.

Второй уровень репрезентации языковой личности считается высшим уровнем, включающем характеристику мотивов и целей, которые движут языковой личностью и определяют ее функциональную реализацию. Этот уровень Караулов определяет как *мотивационный (прагматический)*. Это уровень деятельностно-коммуникативных потребностей языковой личности, следовательно, на данном уровне важен контекст прецедентных текстов, в частности – прецедентных произведений литературы.

Уточним, что инвариантное понятие языковой личности, предложенное нам в период господства структурно-семантической парадигмы в исследовании языка, обладает различными степенями обобщения главного объекта анализа и приобретает особый

статус в функциональной парадигме. В энциклопедии «Русский язык» дается следующее обобщенное определение понятия языковой личности: «Носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использованных в них системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире называется языковой личностью» [32, с. 671].

Одним из современных продуктивных направлений в исследовании языковой личности считается изучение *элитарной* языковой личности, свободно владеющей нормами литературного языка, разнообразными стилями, в том числе – научным, литературно-художественным, публицистическим, имеющей широкий кругозор знаний, умеющей создавать тексты любой степени сложности. В филологии продуктивно развивается и второй подход: разработка и описание *литературной* личности, статус которой приобретает языковая личность автора в сфере литературно-художественной коммуникации [10, с. 25]. Не останавливаясь подробнее на данных разработках (углубление в теоретические подходы не является предметом данной статьи), рассмотрим важный для нас аспект *дискурсивной* языковой личности.

Как отмечает исследователь Л. Н. Синельникова, для изучения дискурсивных личностей необходим большой корпус текстов, представленных в различных жанрах, а публицистика и художественные тексты особенно важны для такого рода анализа. Автор уточняет, что расширение материала не может не сопровождаться расширением методик его исследования. В том числе автором отмечается, что портретирование дискурсивной личности должно опираться на широкий круг словарей, представляющих разные области гуманитарного знания: культурологические, психологические, социологические, философские, аспектные лингвистические словари [27]. Следовательно, наличие возможностей дискурсивизации языковой личности позволяет нам, современным исследователям, обращаясь к творческому наследию XIX века, использовать современные методики анализа языкового материала (продукта творческой деятельности писателей, беллетристов, литературных критиков).

Обратимся к интересующей нас языковой личности беллетриста и критика Н. Д. Ахшарумова, актуализируя ее вербализацию на каждом из уровней репрезентации, выделенных Ю. Н. Карауловым.

1. Общеизвестно, что образованная языковая личность XIX века свободно владела русским и иностранными языками на уровне активного и творческого речемышления. Для личности, представлявшей образованное дворянское общество, не существовало нюансов модальностей [4]. Н. Д. Ахшарумов, как показывают словари-источники, был старшим сыном военного историка генерал-майора Д. И. Ахшарумова, воспитание получил в Царскосельском лицее и был всесторонне образованным человеком. Отметим, что обучение в Лицее было рассчитано на 6 лет и состояло из двух курсов по 3 года в каждом. «Пер-

вый курс назывался начальным и включал в себя *грамматическое* [здесь и далее в цитате курсив наш – С. Л.] изучение языков (*российского, латинского, французского и немецкого*), науки нравственные (закон Божий, философия и основы логики), науки математические и физические <.....>, науки исторические <.....>, первоначальные основания изящных писмен (избранные места из лучших писателей и *правила риторики*), изящные искусства (рисование, чистописание, танцы) и гимнастические упражнения <....>. Второй курс (окончательный) охватывал следующие разделы: науки нравственные, физические, математические, исторические, *словесность, изящные искусства* и гимнастические упражнения. В течение всего курса воспитанникам давали представление о гражданской архитектуре. Выпускники Лицея свободно читали в *подлинниках* произведения Цицерона, Вергилия и других мировых классиков. Также они с большим интересом занимались изящными искусствами <....>» [25, с. 32]. Ахшарумов завершает обучение в Царскосельском лицее в 1839 году (1839 – выпускник Царскосельского лицея X курс (XII класс) и в этом же году поступает на службу в канцелярию военного министерства. В середине 40-х годов XIX века Н. Д. Ахшарумов посещает Петербургский университет и изучает живопись в Академии художеств. Биографы называют его незаурядным шахматистом, он состоит членом Петербургского общества любителей шахматной игры, что еще раз подтверждает наличие оригинального ума у будущего беллетриста и литературного критика [6]. Прекрасное знание шахмат отразится и в тексте одного из произведений Ахшарумова – повести «Игрок» (1858 г.). Талантливый шахматист Н. Д. Ахшарумов часто играет в Петербургском обществе любителей шахматной игры, основанном В. М. Михайловым. Н. Д. Ахшарумов – автор 20 книг разного плана: опубликованы 9 романов, 12 повестей, 3 рассказа, 10 сказок, 1 пьеса, 15 критических статей [18]. Вероятно, некоторые работы были объединены в книги, поскольку количество работ значительно больше, чем количество книг. Возможно, что такое объединение было выполнено издателями. Автора интересовали традиционные эпические жанры (рассказ, повесть, роман), содержательная их сторона отличалась определенной логической последовательностью.

Можно констатировать, что уровень языковой подготовки, разносторонние интересы, знание истории литературы позволяют Н. Д. Ахшарумову написать первые литературные произведения, привлечение внимания как серьезного издателя, так и взыскательных читателей. Двадцатилетний молодой человек, по собственной инициативе завершивший службу в военном министерстве и вышедший в отставку для того, чтобы заняться литературной деятельностью, несомненно, обладает сформировавшимся мировоззрением и каким-то образом представляет свою будущую реализацию в контексте русской культуры того времени. Вероятно, Н. Д. Ахшарумов прагматично просчитывает свое будущее, поскольку уже через пять лет после завершения службы в свет выходит его первое серьезное произведение. Ахшару-

мов дебютирует еще в 1846 году одноактной пьесой «Маскарад», но лишь следующее его литературное произведение – повесть «Двойник» (1850) – было замечено и оценено современниками. Повесть «Двойник» он подписывает псевдонимом Чернов и публикует в авторитетном издании – «Отечественных записках» (№ 3 за 1850 год). Журнал «Отечественные записки» издается Андреем Краевским, выдающимся русским журналистом. Исследователями отмечается, что почти не было ни одного крупного русского писателя, который не работал бы под его руководством. Краевский был настоящим устройством тех органов, которые издавал. Он был отличный расчетливый практик, угадывал вкусы и требования публики, и успешно пользовался ими; готов был идти и на определенные компромиссы.

Опубликованная в «Отечественных записках» и прочитанная читателями повесть «Двойник» оставляет не известный для нас след в сознании рядового читателя того времени, но недремлющая взыскательная критика присваивает повести статус «подражательного» произведения: прочитывается подражание знаменитому уже тогда Ф. М. Достоевскому. Но и сам Достоевский в письме к своему брату интересуется автором «Двойника». Как пишет О. Е. Майорова, Ахшарумова сближали с Достоевским сосредоточенность на «тайниках душевной жизни человека, интерес к исключительным ситуациям и противоречивым, страстным характерам, пристальное внимание к теме двойничества» [20, с. 131].

Известные нам разножанровые произведения Н. Д. Ахшарумов показывают, что их автор, начавший серьезное образование со знаменитого Царскосельского лицея и продолжавший его в течение всей жизни, насыщенной интересными встречами со значительными людьми своего времени, прежде всего, с Ф. М. Достоевским, может быть охарактеризован как элитарная языковая личность второй половины XIX века.

2. Обратимся к концептуальным темам, которые волнуют беллетриста Ахшарумова и которые он последовательно репрезентирует в своих произведениях. Перечислим некоторые концептуальные темы литературных произведений второй половины XIX века, интересующие в первую очередь беллетриста Н. Д. Ахшарумова:

- а) тема двойничества;
- б) тема игры, в частности – тема шахматного мира;
- в) тема безумия;
- г) тема происшествия / приключения;
- д) фантазийная тема.

Способы воплощения каждой из этих тем в литературных произведениях могут быть рассмотрены как в дискурсе XIX века, так и в дискурсах XX–XXI веков. Несомненно, что концептуальная тема «двойничества», столь характерная для литературы второй половины XIX века, как, впрочем, и других периодов литературы, не могла не волновать Ахшарумова. Для того чтобы понять, что конкретно определило обращение Ахшарумова к данной теме, нужно знать контекст его творческих увлечений в то

время. Тема «двойничества» концептуально наполнена такими содержательными деталями, как литературное воплощение двоemiрия; художественные средства его выражения; бинарное толкование персонажей текста; мистический характер повествования и др. Концепт «Двойник» становится одним из ключевых концептов литературы XIX века, поскольку его номинация активно репрезентируется в названиях художественных произведений того времени: «Двойник» А. Чернова (Н. Д. Ахшарумова), «Двойник» Ф. М. Достоевского, «"Двойник..."» А. Погодельского, «Двойник» В. Даля, «Двойник» А. К. Толстого. Та же тема двойничества раскрывается в «Страннике» П. Ф. Вельтмана, «Пестрых сказках» А. Ф. Одоевского, «Черном монахе» А. П. Чехова [11]. Естественно, вызывает некоторое удивление использование одного и того же слова в заглавиях произведений авторов XIX века. Двойники в системе персонажей писателей разных литературных школ и направлений в какой-то степени перекликаются с темой «двойничества» в системах авторского понимания мира. Исследователями *двойничество* в целом трактуется и как «языковая структура», в которой образ человека корректируется одним из исторических вариантов бинарной модели мира [1, с. 132]. «Двойничество» как понятие становится достоянием литературы и новейшего времени. Сложность человеческого сознания, непредсказуемость реакций на дуалистическую сущность человека, раздвоенность мира, в котором стерты границы между добром и злом, порождает интерес к пониманию этого феномена. Писатели оказываются одними из первых, кто начинает активно изучать «двойничество» как явление. С темой «двойничества» исследователи тесно связывают и концептуализацию понятия *игры*. Уже в первой повести Ахшарумова обе темы ярко представлены [23], [24]. Поэзию игры очень тонко чувствуют хорошие шахматисты, позднее В. В. Набоков в романе «Защита Лукина» создаст аналогии *текст – шахматная задача – шахматная партия*. Писатель активно использует данные аналогии для объяснения принципов конструирования собственных текстов [5]. У Ахшарумова в романе «Игрок» герои попадают в шахматный мир, строго регламентированный четкими правилами. Абсолютно справедливо суждение А. Е. Козлова, отмечающего, что в этом романе Ахшарумов конструирует новую *семиотику* игры – шахматную, а не карточную. [17]. Вероятно, предложенная семиотика, действительно, характеризуется авторской новизной и структурирует образное поле текста романа.

Еще одно ключевое концептуальное понятие, связанное и с темой двойника, сформировавшееся вокруг своей номинации целое жанровое направление, актуализировано в произведениях Ахшарумова. Речь идет о концепте «Приключение/ Происшествие необыкновенное» – так синонимично трактуют этот концепт литературоведы [15]. «Приключение / происшествие» у В. И. Даля трактуются как семантически схожие лексемы, которые объединяет репрезентация случившегося события, отличающегося от привычного хода вещей, характеризующегося неча-

янностью, внезапностью [12, с. 340]. Н. Л. Зелянская отмечает, что авторские определения жанра, для которых, в частности, Ф. М. Достоевский нашел новые (даже окказиональные) формулировки, соответствующие художественному замыслу и отражающие творческие принципы повествования, распространяются в литературе 40–50-х гг. XIX в. К подобным жанровым новообразованиям автор относит: «приключение / происшествие необыкновенное»; «историю одной женщины»; «воспоминания мечтателя»; «неизвестные мемуары»; «записки неизвестного» [15]. «Приключение / Происшествие необыкновенное» интересует беллетриста Н. Д. Ахшарумова за время всей его писательской карьеры, недаром на сайтах XXI века автор представлен как писатель – фантаст, один из первых создателей уголовного романа и русского триллера [3]. Названия произведений Ахшарумова подтверждают детективное направление его мысли. Подобная литература всегда привлекает внимание и всегда является интересной для читателя. Все перечисленные выше концептуальные темы прозаика Ахшарумова характерны для детективного жанра, основная функция которого – развлечение читателя. Ахшарумов был не первым и не последним беллетристом, работающим в контексте *детективного дискурса*, коммуникативная перспектива которого корнями уходит в далекое прошлое литературы, а стволами – в вертикальную парадигму будущих прецедентных переключек между авторами разных эпох.

Существует такая точка зрения, что появление русской детективной литературы только в последней трети XIX века обусловлено исторической ситуацией: функционирование судебного производства в России началось только после отмены крепостного права, когда аргументом следствия стало законодательство, а не физическая сила. В это время и возник интерес к подобной литературе [26]. Исследователь Г. А. Завьялова рассматривает соотношение детективного *жанра* и детективного *дискурса* с учетом следующих параметров:

1) детективный жанр представляет собой устойчивую художественную форму, обладающую определенными композиционными, стилистическими и тематическими характеристиками;

2) детективный дискурс — это коммуникативное взаимодействие автора и читателя, процесс порождения и восприятия детективного текста, целью которого является развлечение читателя и вовлечение его в процесс расследования;

3) дискурс снимает ограничения, налагаемые жанром, что дает возможность автору выйти за его границы;

4) дискурс включает в себя и субъективный фактор – читателя;

5) динамический характер детективного дискурса отражается в различных когнитивных моделях, описывающих художественный мир детектива [13].

Согласимся с представленной такой точкой зрения, поскольку, действительно, у детективного жанра существует свой предмет изображения: конфликт между добром и злом, овеянный определенной тай-

ной, которую читателю необходимо разгадать. Ахшарумов в каждом из своих произведений задает ходом повествования такую тайну.

Детективный дискурс актуализирует концептуальные темы, о которых речь шла выше. Не в малой степени, благодаря именно детективному дискурсу, языковая личность Н. Д. Ахшарумова приобретает определенную популярность в начале XXI века, поскольку именно детективные романы прозаика представлены на сайтах с комментарием об их авторе. Но наиболее близок к этому жанру один из лучших его романов – «Концы в воду», – впервые опубликованный в 1872 году в «Отечественных записках» (№ 10–12). Умело выстроенный детективный сюжет сочетается здесь (как и в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского, которому Ахшарумов был во многом близок по направлению своего творчества) с глубоким проникновением в психологию преступника. Роман этот в какой-то степени предвосхищает композицию современного западного «триллера», поскольку здесь преступление расследует не сторонний наблюдатель, а человек, вовлеченный в действие и лично причастный к происходящему. Любопытный прием использован в заключительной части повествования – изложение событий с точки зрения двух основных персонажей. Благодаря всему этому роман Ахшарумова, написанный более ста лет назад, и сегодня читается с неослабевающим интересом [31].

Обратимся вновь к семиотическому пространству литературы второй половины XIX века, времени, в котором талант Ахшарумова реализовался полнее всего. Семиотическое пространство всегда пронизано *концептом диалога*, получающего на разных уровнях исторической и внеисторической референции, свое индивидуальное наполнение. Именно читатель превращает языковую личность в дискурсивную, поскольку семиотическое пространство культуры – это особый этический-эстетический дискурс, прорастающий в века. Дискурсивность языковой личности Н. Д. Ахшарумова получает вербальное выражение как в XIX веке, так и в XXI веке, но, естественно, по-разному.

В работе Е. А. Матвеевко, посвященной проблематике творческих заимствований, пересечений, так называемой рецепции в литературе. Автор рассматривает восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг., останавливаясь и на сравнении романов Н. Д. Ахшарумова «Концы в воду» и У. Коллинза «Женщина в белом». Речь идет о типологических сближениях и на уровне повествования, и при построении хронотопа романов, и при использовании художественных приемов, таких, как композиционный полифонизм, и на уровне композиции при рассмотрении темы наказания [22]. Именно этот роман пользовался большой популярностью на исходе XIX века, и именно в нем И. А. Матвеевко выявляет типологические схождения с художественными открытиями английских романистов [22, с. 251]. Цитируя А. М. Скабичевского, И. А. Матвеевко делает акцент на тот факт, что являясь сверстником беллетристов сороковых годов, Н. Д. Ахшарумов значительно от-

личался от них по характеру и строю произведений [28], [Цит. по: 22].

Как видим, дискурсивизация языковой личности Н. Д. Ахшарумова проводится и на сопоставительном уровне специфики произведений XIX века. Не все факты биографии можно с уверенностью трактовать как объективные, но, в частности, типологические схождения на уровне повествования в данных произведениях нельзя не заметить. «Интересно, что и в русской литературе роман «Концы в воду» создал свое резонантное пространство, побудив нескольких авторов к написанию пародий. Так, на произведение Ахшарумова отреагировал некто Виктор Петрович Буренин (1841–1926), опубликовав повесть-пародию «Преступница или нет?» в «Санкт-Петербургских ведомостях» сразу после выхода в свет романа Ахшарумова. Чуть позже эта повесть была издана отдельным тиражом» [7], [Цит. по: 22, с. 262].

Помимо этого важнейшую сферу творческой деятельности Н. Д. Ахшарумова представляет литературная критика, направленная как раз на анализ художественных текстов звезд первой величины, писателей первого уровня, таких, как Достоевский, Тургенев, Островский, Писемский, Толстой. Останавливаясь на беллетристической стороне творчества Н. Д. Ахшарумова, мы сознательно не затрагиваем этой достаточно продуктивной стороны деятельности прозаика.

XXI век с его увлеченностью виртуальными семиотическими пространствами начинает активно интересоваться творчеством писателей прошлого, занимавшихся *окациональными жанровыми формами «приключение / происшествие необыкновенное»* (определение Н. Л. Зелянской), получившими воплощение не только в блистательных романах Ф. М. Достоевского, но и в произведениях своеобразного фантаста второй половины девятнадцатого века – Н. Д. Ахшарумова [33].

Выводы.

Подводя итог, отметим следующее:

- 1) анализ литературной репутации Н. Д. Ахшарумова в аспекте ее функциональной содержательности зависит от многих факторов, одним из которых является *семиотический контекст бытования языковой личности* беллетриста;
- 2) семиотический контекст бытования в контексте эпохи напрямую связан с понятием *значимости* языковой личности, потенциально обладающей такими важными характеристиками, как элитарность и дискурсивность;
- 3) *элитарность* языковой личности Н. Д. Ахшарумова обусловили его разностороннее образование, знание языков, логический склад ума, высококультурное ближайшее окружение;
- 4) *дискурсивность* языковой личности Н. Д. Ахшарумова подтверждается вертикальным диалогом прозаика с современниками и потомками (из XIX века в XXI);
- 5) меняющиеся литературно-общественные эпохи выявили те аспекты творчества беллетриста Н. Д. Ахшарумова, которые актуализируются в ре-

презентативных знаковых дискурсах, таких, например, как дискурс детективный.

Имя Н. Д. Ахшарумова звучит в современных исследованиях, посвященных литературе прошлого, и это – только начало скупуплезного анализа репрезентации языковой личности писателя-беллетриста и литературного критика, занимающего «свою нишу» в семиотическом пространстве литературы второй половины XIX века и претендующего на определенное участие в диалоге культур.

Литература

1. Агранович, С. З. Двойничество / С. З. Агранович, И. В. Саморукова. – Самара, 2001.
2. Антипина, З. С. Литературная репутация и творчество В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920–1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. С. Антипина. – Пермь, 2012.
3. Ахшарумов, Николай Дмитриевич // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энцикл. слов. – М., 1989. – Т. 30.
4. Барсукова, Е. В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Барсукова. – М., 2007.
5. Большакова, Г. Н. Игра в текстовом пространстве романа В. Набокова «Защита Лужина» / Г. Н. Большакова // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М., 2006. – С. 235–254.
6. Большая биографическая энциклопедия. – 2009.
7. Буренин, В. П. Преступница или нет. Рассказ в современном вкусе / В. П. Буренин // СПб.: Издание книгопродавца А. Ф. Базунова, 1874. – Цит. по: Матвеевко, И. А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Матвеевко. – Томск, 2014.
8. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – М., 2004.
9. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М., 1980.
10. Ворожбитова, А. А. Лингвисториторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Ворожбитова. – Краснодар, 2000.
11. Грудкина, Т. В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века (В. Ф. Одоевский, А. П. Чехов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Грудкина. – Шуя, 2004.
12. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. / В. И. Даль. – М., 2002. – Т. 2: П–V.
13. Завьялова, Г. А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Завьялова. – Кемерово, 2014.
14. Зелянская, Н. Л. Произведения Ф. М. Достоевского 40–50-ых гг. XIX века в аспекте проблемы авторской номинации жанра / Н. Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 11. – С. 16–21.
15. Зелянская, Н. Л. Авторская номинация жанра как рамочный компонент нарративного пространства художественного произведения («Село Степанчиково и его обитатели» Ф. М. Достоевского) / Н. Л. Зелянская // Дергачевские чтения – 2008: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–11 окт. 2008 г.: в 2 т. Т. 1 / [Сост. А. В. Подчиненов]. – Екатеринбург, 2009. – С. 186–191.
16. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987.
17. Козлов, А. Е. К вопросу о литературной репутации Н. Д. Ахшарумова / А. Е. Козлов // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 30–35.
18. Лабораторная страница Николая Ахшарумова – биография, библиография, перечень изданий, рейтинг произведений, отзывы, пр. – URL: [http://fantlab.ru title= «Лаборатория фантастики»](http://fantlab.ru/title=«Лаборатория фантастики»).
19. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб., 2001.
20. Майорова, О. Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / О. Е. Майорова; ред.: П. А. Николаев (гл. ред.) и др.: в 2 т. – М., 2000. – Т. 1.
21. Маркович, В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст / В. М. Маркович // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». – URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isd/isd-063-.htm>
22. Матвеевко, И. А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Матвеевко. – Томск, 2014.
23. Полковникова, Н. В. Мотив игры в повести Н. Д. Ахшарумова «Двойник» / Н. В. Полковникова // Филологические науки. – 2012. – № 27. – С. 368–372.
24. Полковникова, Н. В. Мотив игры в романе Н. Д. Ахшарумова «Во что бы то ни стало» / Н. В. Полковникова // II научн. Интернет-конференция «Филология – культурология: диалог наук» / 18 декабря 2011 г. – 18 января 2012 г. – Одинцово, 2011–2012.
25. Равкин, З. И. «Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры» (1811–1817 гг.) / З. И. Равкин. – М., 1999.
26. Разин, В. М. В лабиринтах детектива (Очерки истории советской и российской детективной литературы XX века) / В. М. Разин. – URL: <http://www.pseudology.org/chtivo/Detectiv/> (дата обращения: 12.05.2015 г.).
27. Синельникова, Л. Н. Концепт «Дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2013. – № 1 (21). – Февраль. – URL: www.grani.vspu.ru
28. Скабичевский, А. М. История новейшей русской литературы (1848–1890). – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1893. – С. 301. – Цит. по: Матвеевко, И. А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Матвеевко. – Томск, 2014.
29. Трикоз, Э. Л. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. Л. Трикоз. – Вологда, 2010.
30. Хлупина, М. А. Особенности языковой личности С. Д. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Хлупина. – М., 2014.
31. Электронная библиотека TheLib.Ru © 2006–2015 |
32. Энциклопедия «Русский язык» / под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 1998.
33. Энциклопедия фантастики. Кто есть кто. Минск, Галаксиас, 1995, 10000. – URL: (оригинал размещен на сайте: <http://scifi.spb.ru>).